

Л.М. Гаврилина

**«ЧУЖОЕ КАК СВОЕ ПРИПОМИНАЯ...»:
ПАРАДОКСЫ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ¹**

В рамках междисциплинарной мемориальной парадигмы современного социально-гуманитарного знания (“memory studies”) культурная память концептуализируется как «коллективный», «социальный» феномен, существование которого отличают процессуальность, динамичность, нелинейность. Культурная память избирательна, тесно связана с пространством, «местом», топографией социально значимых переживаний, коллективными образами прошлого, механизмами формирования идентичности, она обуславливает образ мира той или иной культуры и сама зависит от него. Анализ уникальной социокультурной ситуации, сложившейся в Калининградской области, позволяет углубить представления о культурной памяти как механизме социокультурного развития. За 60 лет существования области произошло формирование специфической региональной культурной памяти, в которой прихотливо-противоречиво сочетаются «свое» и «чужое». Чужое прошлое — изученное, понятое, придуманное, реальное и воображаемое — продолжает жить, будучи включенным в символический универсум калининградской региональной субкультуры. Таким образом, культурная память хранит не только общий, совместно пережитый опыт, но и исторический опыт вообще — осмысленный, прочувствованный и осевший в памяти социальной общности.

Ключевые слова: культурная память, культурный текст, образ мира, идентичность, интериоризация, экстериоризация.

Larisa M. Gavrilina

**«RECOLLECTING SOMEONE ELSE’S PAST
AS YOUR OWN...»: PARADOXES OF CULTURAL MEMORY**

Within an interdisciplinary memorial paradigm of modern social and humanitarian knowledge (“memory studies”) cultural memory is conceptualized as a “collective”, “social” phenomenon which existence distinguishes procedurality, dynamism, nonlinearity. Cultural memory is selective, closely connected with space, “place”, with topography of socially important experiences, collective images of the past, with identity formation mechanisms. It causes an image of the world of this or that culture and itself depends on him. The analysis of the unique sociocultural situation which has developed in the Kaliningrad region allows to deepen ideas of cultural memory as the mechanism of cultural development. In 60 years of existence of the Kaliningrad area there was a formation of specific regional cultural memory. She’s whimsical, contradictory blends “ours” and “theirs”. Others past — studied, understood, which is thought up, real and imagined, — continues to live, being included in a symbolical universum of the Kaliningrad regional subculture. Thus, cultural memory stores not only the general, in common endured experience, but historical experience in general — comprehended, experienced and settled in memory of a social community.

Keywords: cultural memory, cultural text, the image of the world, identity, interiorization, exteriorization.

¹ Статья выполнена в рамках проекта по гранту РФНФ № 15-03-00797.

Проблема культурной памяти в социогуманитарном знании XX в. заняла весьма значимое место. Ее актуализация была связана с дискуссиями об идентичности в 1980–1990-е годы и развитием конструктивистского подхода в науках о человеке. Культурная память стала осознаваться как важнейший механизм формирования культурной картины мира, социокультурной идентичности. Сложилась междисциплинарная парадигма современного социально-гуманитарного знания — “memory studies”, — в рамках которой культурная память концептуализируется как «коллективный», «социальный» феномен, существование которого отличают процессуальность, динамичность, нелинейность. Среди ученых, чьими усилиями формировалась эта интегративная исследовательская парадигма, заметное место занимают французский социолог М. Хальбвакс, анализировавший понятия коллективной и исторической памяти; немецкий искусствовед и культуролог А. Варбург, рассматривавший социальную память; российский филолог, семиотик Ю. Лотман и немецкий египтолог Я. Ассман, создавшие концепт культурной памяти; русский фольклорист и этнограф К. Чистов, выявивший механизмы функционирования культурной памяти на материале русского фольклора. Проблема культурной памяти «вызрела» в недрах разных научных направлений, что обусловило ее принципиально междисциплинарный характер.

Ю.М. Лотман набросал контуры будущей теории культурной памяти, обосновав два актуальных подхода, рассматривающих *культуру как память* и *память как феномен культуры* [Лотман 2010]. Первый связан с лотмановской трактовкой семиосферы как пространства общей памяти, закрепленной в процессе семиозиса в разнообразных текстах культуры, что обеспечивает ее существование, трансляцию и последующие трансформации. Широкую известность приобрело его определение культуры как коллективного интеллекта и коллективной памяти, то есть надындивидуального механизма хранения, передачи и порождения новых культурных смыслов.

Не менее значимым представляется и второй подход Лотмана — концептуализация *памяти как феномена культуры*. Ю.М. Лотман характеризовал культурную память как сложную и внутреннее вариативную систему. Ее структура изоморфна структуре культуры:

в ней есть индивидуальные варианты общей памяти, «диалекты памяти», соответствующие субкультурным образованиям, наконец, некий наиболее общий константный уровень культурной памяти, отражающий специфику культурного ядра, содержащего наиболее важную для данного сообщества информацию.

Лотман выделял *память информативную и креативную*. Первая — память, устроенная как бы механически. С этим видом памяти мы имеем дело в научной и технической сферах, когда большую важность представляет конечный результат, итоговый текст. Для творческой памяти потенциально актуальной оказывается вся толща текстов, она имеет «панхронный, континуально-пространственный характер» [Там же: 673]. Именно феномен креативной памяти привлекал особое внимание Лотмана: «Культурная память как творческий механизм не только панхронна, но противостоит времени. Она сохраняет прошедшее как пребывающее. С точки зрения памяти как работающего всей своей толщей механизма, прошедшее не прошло» [Там же: 674]. Творческий характер культурной памяти проявляется как в ее избирательности по отношению к прошлому («каждая культура определяет свою парадигму того, что следует помнить, а что подлежит забвению»), так и в порождении новых текстов и смыслов.

Все эти идеи Лотмана нашли развитие в рамках мемориальной парадигмы современного социогуманитарного знания, прежде всего в работах Я. Ассмана, в трудах российских исследователей. «Каждая культура образует нечто, что можно назвать ее “коннективной структурой”, — пишет Ассман. — Она действует соединяющим, связующим образом, причем в двух измерениях — социальном и временном. Как “символический мир смысла” (Бергер/Лукман) она связывает человека с его современниками, образуя общее пространство опыта, ожиданий и деятельности, чья связующая и обязующая сила устанавливает взаимное доверие и возможность ориентации» [Ассман 2004: 15]. Важнейшей функцией культурной памяти является создание скреп для символического универсума культуры, обеспечивающего существование «коннективной структуры» общества.

Культурная память признается современными исследователями важнейшим *идентификационным ресурсом* [Васильев 2009; Малы-

гина 2013], она формируется в процессе коммуникации на основе социальных конвенций и объективируется в текстах культуры: артефактах, ландшафтах, повседневных практиках и т.д. «Коллективная память формирует символический универсум, очерчивающий границы общности. Эти знаки становятся знаками идентификации, отличительными маркерами “своих”» [Васильев 2009: 60].

Культурная память *избирательна*, что обусловлено как социально-психологическими, так и социокультурными механизмами, ее формирование тесно связано с пространством, «местом», топографией социально значимых переживаний, коллективными образами прошлого. Сложное взаимодействие памяти/забвения может порождать своеобразные «зигзаги памяти» (механизм актуализации/деактуализации тех или иных фактов, событий). В прошлом культуры могут существовать «периоды-фавориты» и «пустые» исторические периоды, своеобразные «вершины» и «долины», «мнемонические пики и мнемонические равнины» [Васильев 2009: 62]. Важнейшими моментами структурирования памяти являются образы *триумфа и травмы*, представляющие два полюса мощного притяжения: позитивный и негативный.

Можно утверждать, что культурная память является *динамическим образованием, находящимся в процессе постоянной нелинейной трансформации*. *Парадоксальность* ее — в том, что образы прошлого могут меняться в зависимости от ситуации в настоящем. В известной шутке о том, что Россия — страна с непредсказуемым прошлым, есть большая доля истины, причем не только относительно нашей страны.

Представляется, что некоторые важные особенности и механизмы функционирования культурной памяти могут быть выявлены на основе анализа уникальной социокультурной ситуации, сложившейся в Калининградской области, созданной в 1946 г. на территории бывшей Восточной Пруссии. Переселенцы, оказавшиеся на территории бывшей Восточной Пруссии, пережили настоящий культурный шок: новая территория, непривычные ландшафты, архитектура, чужая бытовая культура, непонятные вещи. Возникало противоречивое соединение удивления и восхищения увиденным и одновременно — ненависти, отрицания, неприятия. Неуверенность и постоянный страх возможной депортации (фор-

мула «Чемодан — вокзал — Россия» хорошо известна каждому калининградцу со стажем) усугубляли стрессовый характер ситуации. Это было время и место, когда в одной точке соединились пиковые позитивные и негативные переживания: и триумф, и травма. Великая Победа, поверженный враг и при этом — огромные собственные потери, гибель миллионов людей, лежащие в руинах родные города.

Для выживания в таких условиях нужно было выстроить новую «коннективную структуру», которая обеспечивала бы взаимодействие как по горизонтали, так и по вертикали — как внутри социума, так и в его взаимоотношениях с окружающей реальностью. Знания об этой чужой реальности переселенцы не получили «по рождению», не впитали с молоком матери, с рассказами стариков. Всеми знаниями нужно было овладевать заново, в том числе и историческими. Приведем свидетельство очевидца, знающего ситуацию изнутри, — писателя Ю. Буйды, родившегося в Калининградской области и проведшего здесь детство и юность. «Однажды я узнал, что мой родной городок когда-то назывался не Знаменском, а Велау. Жили здесь немцы. Была здесь Восточная Пруссия. От нее остались осколки — эхо готики, дверная ручка причудливой формы, обрывок надписи на фасаде. *В отличие от осьминога, бездумно занявшего чужую раковину, мне нужно было хоть что-нибудь знать о жизни, которая предшествовала моей и создала для моей жизни форму.* Учителя, вообще взрослые были неважными помощниками. Не то что они не интересовались прошлым этой земли, нет, — но им было некогда, да и потом, им сказали, что чужое прошлое им не нужно. Был тут “оплот милитаризма и агрессии”, жил и умер Кант — и довольно. Пруссов — предшественников немцев на этих землях — почему-то считали славянами... Земля стала нашей. Отныне и навеки — гласила истина, безвкусная, как речная галька... Десяти-двадцати-тридцатилетний слой русской жизни зыбился на семисотлетнем основании, о котором я ничего не знал» [Буйда 2015: 7]. Практически ту же ситуацию описывает в своем романе калининградский писатель Ю. Иванов, когда на вопросы детей: «Что тут было, что за люди жили? Кто такой Кант?..» учительница истории категорично и уверенно ответила: «Тут у них ничего не было. Это город, откуда они двинули свои войска на нашу прекрас-

ную страну. Скажите, друзья, в таком городе может быть что-нибудь замечательное, выдающееся?» [Иванов 2006: 289].

Попытка властей объявить территорию области землей без прошлого, сделать вид, что «от Адама до Потсдама» на этой земле ничего не было, что настоящая история началась лишь в 1945 г., была обречена на провал. История *была*, прошлое *было*, но это было *чужое* прошлое. Как строить с ним отношения? Жители и власти оказались перед сложным выбором. Это остро почувствовал и пережил Иосиф Бродский, посетивший Калининград в 1963 г.:

И жизнь бушует с двух сторон стены,
лишенная лица и черт гранита;
глядит вперед, поскольку нет спины.
Хотя теней в кустах битком набито

[Бродский 1991: 80].

Невозможно жить без прошлого, «без спины», да еще в окружении теней и призраков. С этим нужно было что-то делать. Решить проблему можно быть несколькими способами.

1. Максимально *стереть память о прошлом*, полностью уничтожив остатки чужой культуры. В этом направлении был проделан определенный путь, но возникали неразрешимые противоречия. Во-первых, уничтожить все — нецелесообразно и затратно, а во-вторых, о военном прошлом напоминали сотни тысяч советских солдат, погибших за эту землю. Как могила Канта, по широко известной легенде, «спасла» Собор, так воинские погребения спасли память о довоенном прошлом.

2. *Узнать «чужое» прошлое, о-своить* его, изучить, сделать если не своим, то хотя бы понятным — по этому пути пошли многие калининградские краеведы, историки, поэты, писатели, художники. Появились сотни книг о Кенигсберге — как научных, так и художественных, разработаны музейные экспозиции, туристические экскурсии, сняты фильмы.

Активное развитие получило движение военно-исторической реконструкции, широко известное во всем мире. В фокусе внимания молодых калининградцев оказались орденская история края, сражения под Прейсиш-Эйлау (г. Багратионовск), Фридландом (г. Прав-

динск) против наполеоновских войск, сражения Первой и Второй мировых войн, проходившие на территории Восточной Пруссии¹. Таким образом «чужая» история входила в «нашу», становилась ее частью. У части населения области это вызывает неприятие и резкую критику, обвинения в попытке «регерманизации» области.

В калининградской ситуации проблемы культурной памяти не однажды оказывались в фокусе дискуссий. Обычные для всех российских областей школьные курсы по краеведческой тематике, по истории региона [Кретинин 2006] в Калининграде также стали поводом для острой полемики. Довоенная история края — все еще предмет бурных споров, в основе которых — все та же стержневая проблема отношения к культурно-историческому наследию, доставшемуся жителям области после войны.

3. *Найти в «чужом» прошлом нечто «свое».* Этим активно стали заниматься профессиональные историки, краеведы, сотрудники музеев, литераторы. В экспозиции «История Восточной Пруссии» в Калининградском историко-художественном музее на одном планшете расположены портреты герцога Альбрехта Бранденбургского и Великого князя Московского Василия III, подписавших первый союзный договор между Россией и Восточной Пруссией. Рядом представлены факты о пребывании Петра I в Кенигсберге, Великом посольстве, Семилетней войне, русских губернаторах Восточной Пруссии, кенигсбержцах, присягнувших на верность русской императрице, Тильзитском мире, встрече Александра I, Наполеона, Фридриха Вильгельма III в присутствии королевы Луизы — все это «узелки» культурной памяти, маркеры на пути осмысления прошлого этой земли. Память о россиянах, бывавших (даже непродолжительное время) на территории Восточной Пруссии, была увековечена монументами, мемориальными досками. Таковы памятник В. Высоцкому в Калининграде, мемориальная доска И. Бродскому в Балтийске и П. Столыпину в Зеленоградске, школьный музей Н. Гумилева в поселке Победино Калининградской области. «Были здесь» — для регионального сознания представляется значимым [Гаврилина 2015].

¹ См. материалы об исторических реконструкциях: [Балтийские исследования 2010].

Специфику работы культурной памяти как адаптационного механизма Я. Ассман описывает следующим образом: «Культурная память направлена на *фиксированные моменты* в прошлом. Прошлое скорее сворачивается здесь в *символические фигуры*, к которым прикрепляется воспоминание. <...> Можно сказать также, что в культурной памяти фактическая история преобразуется в воссозданную воспоминанием, то есть в миф. *Миф — это обосновывающая история, история, которую рассказывают, чтобы объяснить настоящее из его происхождения*» [Ассман 2004: 54–55]. В этой «обосновывающей истории» появились и «славянские племена пруссов», и славная императрица Елизавета, на верность которой присягали жители Кенигсберга в середине XVIII в., и отец фельдмаршала Суворова, бывший одним из губернаторов Восточной Пруссии в составе Российской империи. Одновременно «присваивалась» и чужая история: рыцари, замки, сражения, форты, подземелья.

Среди наиболее важных **«фиксированных моментов в прошлом»**, на которые направлена работа культурной памяти в Калининградской области, можно выделить:

— *орденское прошлое*: завоевание Орденом прусских земель (мирные язычники пруссы, нападение псов-рыцарей, которые «огнем и мечом» покорили и христианизировали их), основание Кенигсберга, разгром Ордена на полях Грюневальда;

— *Петр Великий* и Великое посольство в Восточной Пруссии;

— *Восточная Пруссия «под Российской короной»* (в составе Российской империи после Семилетней войны). Наиболее значимые мотивы этого нарратива: почти пять лет здесь была Российская империя, губернатором Восточной Пруссии был отец русского полководца А. Суворова, все граждане Кенигсберга (и даже Кант!) присягали на верность Елизавете и были подданными Российской империи;

— *российско-прусское сотрудничество в борьбе с Наполеоном* — также очень значимый мотив в развитии темы исторических связей России и Пруссии в прежние времена: знаменитые сражения, мужество и героизм российских солдат, Тильзитский мир, император Александр I, Наполеон, королева Луиза и т.д.;

— *события военной истории* по понятным причинам занимают особое место в культурной памяти — великие сражения, в которых принимали участие русские войска: под Грюневальдом, под Гросс-

Егерсдорфом, при Прейсиш-Эйлау, под Фридландом; Тильзитский мир, август 1914-го, апрель 1945-го.

«Символическими фигурами», к которым прикрепляются воспоминания, стали Петр I и Елизавета, фельдмаршал Суворов, но одновременно и персонажи из немецкой истории: герцог Альбрехт, Кант, Гофман, королева Луиза.

Все это создает скрепы для символического универсума, на основе которого складывается «коннективная структура» культуры. Культурная память в самом общем виде представлена в феномене так называемого «калининградского текста» [Гаврилина 2015], спецификой которого является его организация в виде *палимпсеста*. Более ранний «кенигсбергский текст» был стерт с лица земли в августе 1944 г., «подчищен» в апреле 45-го во время штурма города. Поверх стал создаваться «калининградский текст», текст нового города. Прежний текст не был уничтожен полностью, его знаки оказывали влияние на формирование нового «калининградского текста», «прорастали» в нем. Два текста, два слоя, два мира стали существовать параллельно, находясь в постоянном взаимодействии:

*...Сплошной палимпсест:
как будто бы под штукатуркой
в Тильзите, который — Советск,
читаешь готический текст
на булочной в том переулке,
где дом твоих предков. И кот
по имени Васька с опаской
по кованной ими идет
решетке, веселенькой краской
покрашенной нами*

[Викторова 2005: 151].

В постоянном сопоставлении — «до» и «после», «они» и «мы», «ими» и «нами», «Тильзит» и «Советск», «готический текст» и «кот Васька» — ощущение двоемирия закрепилось в сознании калининградцев. Оно настойчиво фиксируется в литературных и художественных текстах, музейных экспозициях, фотоальбомах, бытовой лексике и т.д., являясь характерной особенностью культурной памяти.

ти и важной составляющей «калининградского текста». Ощущение и переживание ситуации двоемирия — неотъемлемая черта повседневной жизни калининградцев, которая фиксируется и в обыденной речи горожан, когда по любому поводу вырывается сопоставление: «у немцев было...», «до войны здесь находилось», «немцы строили...», «от немцев осталось...». Наметанный глаз местного жителя легко выхватывает привычные: «немецкий особняк» («особняк немецкой постройки»), «немецкое кладбище», «немецкая мостовая», «старый немецкий сад», «немецкий хутор», «немецкое пианино» и т.д.

Сложилась ситуация, когда не просто свою историю «воссоздали воспоминанием», а вспомнили то, чего с нами не происходило вовсе. Чужое прошлое, чужая история в пересозданном виде стала некоторой частью своей истории. Она не вытеснила «свою», но «присоседилась» к ней. Пруссы, рыцари, замки, готика, королева Луиза, кенигсбергские подземелья — все это является неотъемлемой частью картины мира калининградцев, становясь элементом их культурной памяти.

За 60 лет существования области произошло формирование специфической региональной культурной памяти, в которой прихотливо-противоречиво сочетаются «свое» и «чужое». Чужое прошлое — изученное, понятое, придуманное, реальное и воображаемое — продолжает жить, будучи включенным в символический универсум калининградской региональной субкультуры. История земли стала той нитью, на которую, как бусы, нанизываются события, факты, имена. Культурную память, вероятно, нужно понимать не только как общий, совместно (самими или предками) пережитый опыт, но как исторический опыт вообще, осмысленный/прочувствованный, присвоенный сообществом. Этот процесс представляется нам психологически закономерным и антропологически обоснованным. Его невозможно объяснить конструктивистскими усилиями неких политических сил. Завершим размышления словами калининградской поэтессы:

Чужое как свое припоминая,
Кричит душа, освободясь от сна, —
По-русски, по-немецки ли — не знаю...

[Викторова 2005: 140].

Библиография

Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

Балтийские исследования. Феномен Тевтонского ордена и современность: сб. науч. трудов. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2010. 143 с.

Бродский И. Холмы. Большие стихотворения и поэмы. СПб.: ЛП ВТПО Киноцентр, 1991. 358 с.

Буйда Ю. Прусская невеста. М.: Эксмо, 2015. 698 с.

Васильев А.Г. Мемориализация и забвение как механизмы производства культурного единства и разнообразия // Фундаментальные проблемы культурологии. Т. 6: Культурное наследие. М.: Новый хронограф, 2009. С. 56–68.

Викторова Л. Руина // Солнечное сплетение. Современная калининградская поэзия. 750-летию Калининграда и 60-летию Калининградской области посвящается. Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта, 2005. С. 39–140.

Гаврилина Л.М. Калининградский текст как метатекст культуры // Кантовский сборник. 2010. № 3. С. 64–79.

Гаврилина Л.М. Генезис калининградского текста: проблема культурного наследия // Вестник славянских культур: Научно-информационный журнал. 2015. № 4 (38). С. 21–37.

Иванов Ю. Танцы в крематории: десять эпизодов кёнигсбергской жизни. Калининград: ИП Мишуткина И.В., 2006. 400 с.

Кретинин Г.В. История западной России. Калининградская область: история края. Ч. I: С древнейших времен до начала XIX в. Калининград: издательство РГУ им. И. Канта, 2006.

Лотман Ю.М. Память в культурологическом освещении // Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство — СПб.», 2010. С. 673–676.

Малыгина И.В. Идентификационная функция культурной памяти: от «помнящей культуры» к «культуре забвения» // Культура и образование: научный журнал вузов культуры и искусств. М.: МГУКИ, 2013. С. 40–46.

References

Assman Ja. Kul'turnaia pamiat': pis'mo, pamiat' o proshlom i politicheskaiia identichnost' v vysokikh kul'turakh drevnosti. Moscow: Iazyki slavianskoi kul'tury, 2004. 363 p.

Baltiiskie issledovaniia. Fenomen Tevtonskogo ordena i sovremennost': sb. nauch. trudov. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2010. 143 p.

Brodskii I. Kholmy. Bol'shie stikhotvoreniia i poemy. St.-Petersburg: LP VTPO Kinotsentr, 1991. 358 p.

Buida Iu. Prusskaia nevesta. Moscow: Eksmo, 2015. 698 p.

Vasil'ev A.G. Memorializatsiia i zabvenie kak mekhanizmy proizvodstva kul'turnogo edinstva i raznoobraziia. Fundamental'nye problem kul'turologii. Vol. 6: Kul'turnoe nasledie. Moscow: Novyi khronograf, 2009. Pp. 56–68.

Viktorova L. Ruina. Solnechnoe spletenie. Sovremennaia kaliningradskaia poeziia. 750-letiiu Kaliningrada i 60-letiiu Kaliningradskoi oblasti posvia-shchaetsia. Kaliningrad: Izd-vo RGU im. I. Kanta, 2005. Pp. 39–140.

Gavrilina L.M. Kaliningradskii tekst kak metatekst kul'tury. Kantovskii sbornik. 2010. no. 3. Pp. 64–79.

Gavrilina L.M. Genezis kaliningradskogo teksta: problema kul'turnogo nasledii. Vestnik slavianskikh kul'tur: Nauchno-informatsionnyi zhurnal. 2015. no. 4 (38). Pp. 21–37.

Ivanov Iu. Tantsy v krematorii: desiat' epizodov kenigsbergskoi zhizni. Kaliningrad: IP Mishutkina I.V., 2006. 400 p.

Kretinin G.V. Istoriia zapadnoi Rossii. Kaliningradskaia oblast': istoriia kraia. Ch. I: S drevneishikh vremen do nachala XIX v. Kaliningrad: izdatel'stvo RGU im. I. Kanta, 2006.

Lotman Iu.M. Pamiat' v kul'turologicheskom osveshchenii. Lotman Iu.M. Semiosfera. St.-Petersburg: Iskusstvo — St.-Petersburg, 2010. Pp. 673–676.

Malygina I.V. Identifikatsionnaia funktsiia kul'turnoi pamiati: ot "pomniashchei kul'tury" k "kul'ture zabveniiia". Kul'tura i obrazovanie: nauchnyi zhurnal vuzov kul'tury i iskusstv. Moscow: MGUKI, 2013. Pp. 40–46.